

**ДАНТЕ И СОЛОВЬЕВ:
к 700-летию смерти Данте Алигьери¹**

**DANTE AND SOLOVYOV:
on the 700th Anniversary of the Death of Dante Alighieri**

УДК 821.161.1Веселовский

ББК 83.3(2)5:83.3(4)4

Серджио Маццанти

Университет Мачераты, PhD, профессор, Италия, г. Мачерата, e-mail: sergiomazzanti@gmail.com

Александр Леонидович Рычков

Союз философов «Вольная философская ассоциация», директор по научной работе, Россия, г. Сатка, e-mail: vp102243@list.ru

**К изданию курса лекций А.Н. Веселовского
«Введение в “Божественную Комедию” Данте»**

Аннотация. Представлены итоги проекта подготовки к научной публикации литографированного курса А.Н. Веселовского «Введение в “Божественную Комедию” Данте». Обсуждается вопрос о том, что критика уделяла недостаточное внимание подобным литографиям, ссылаясь на отрицательные высказывания о них самого ученого и на то, что в их создании принимали участие разные составители. Однако работа по подготовке публикации лекций о Данте показала, что литографированные курсы А.Н. Веселовского, в особенности курс о Данте, занимают важное место в его наследии. В частности, показано, что ученый широко использует фрагменты своих и чужих текстов, чтобы дать убедительную картину историко-социальной среды и развития литературных традиций, лежащих в основе «Божественной Комедии». Данте представлен в этом курсе как настоящий основоположник Возрождения, поскольку он подытожил практически всю средневековую традицию, состоящую из смеси христианских и классических элементов, и использовал ее для того, чтобы выразить свое мировоззрение. Публикация основана на заключении о том, что «Введение в “Божественную Комедию” Данте» представляет собой необходимый материал для реконструкции не только концепций А.Н. Веселовского по итальянистике, но и их предпосылок, проясняющих теоретические построения «Исторической поэтики» ученого. Особое внимание уделено проблеме установления источников скрытых цитат в лекциях о Данте. Тщательный анализ этих заимствований показал, что они достаточно точно и близко к тексту использовались А.Н. Веселовским в лекциях и также отражены в литографии, из чего делается вывод об авторизации А.Н. Веселовским данного литографированного курса, который подтверждается ранее неизвестным свидетельством ближайшего ученика А.Н. Веселовского Е.В. Аничкова. Оконча-

---

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Данте и Соловьев: к 700-летию смерти Данте Алигьери», 1–2 октября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

тельный вывод состоит в том, что цикл лекций о Данте, публикуемый в настоящем издании «Соловьёвских исследований», можно уверенно причислить к легитимному корпусу трудов и научному наследию академика А.Н. Веселовского.

Ключевые слова: научное наследие А.Н. Веселовского, итальянский Ренессанс, дантоведение, Бестужевские курсы, литографированные лекции, студенческое книгоиздание

Sergio Mazzanti

University of Macerata, PhD, prof., Macerata, Italy, e-mail: sergiomazzanti@gmail.com

Alexander Leonidovich Rychkov

Union of Philosophers “Free Philosophical Association” (“VOLFIKA”), Science Director, Satka, Russia, e-mail: vp102243@list.ru

On the first publication of the course of lectures by Alexander Veselovsky “An introduction to Dante’s ‘Divine Comedy’”

Abstract. This article presents the results of the publication project of A.N. Veselovsky’s last surviving lithographic course: “An Introduction to Dante’s *Divine Comedy*”. It is well-known that critics paid insufficient attention to such texts: on the one hand, because of Veselovsky’s negative statements about them and, on the other, because different compilers took part in their creation. However, the research that was made for this publication revealed how Veselovsky’s lithographic courses and, in particular, the course on Dante occupy an important place in his legacy. In particular, it was demonstrated that he makes extensive use of fragments of his own and of others’ texts to give a convincing picture of the historical and social environment, as well as of the development of literary traditions that underlie the *Divine Comedy*. In this course Dante is presented as the real founder of the Renaissance and of humanism as he summed up almost the entire Medieval tradition, consisting of a mixture of Christian and classical elements, and he used all this so to express his own worldview. Therefore, according to the authors of this article, the “Introduction to Dante’s *Divine Comedy*” is a necessary element not only for a better understanding of Veselovsky’s views in Italian studies, but also for the clarification of some premises concerning the theory of his “Historical Poetics”. Particular attention is then paid to the problem of establishing the written sources of hidden quotes within this series of lectures. By means of a thorough analysis of these quotes, it was demonstrated that Veselovsky employed them, in the same way as the entire content of his teaching, quite accurately during his lectures. This conclusion is also confirmed by the crucial and previously unknown witnesses of Evgeny V. Anichkov – one of Veselovsky’s first students. Essentially, the final conclusion of the reported work is that the series of lectures on Dante published further by the journal “Solovyov studies” can be confidently ranked among the legitimate corpus of works and the scientific heritage of Academician Alexander Nikolayevich Veselovsky. The final conclusion of this article is that the series of lectures on Dante, which are published in this edition of “Solovyov’s Studies”, can be certainly recognized as a legitimate part of Aleksandr N. Veselovsky’s works and academic heritage.

Key words: A.N. Veselovsky’s Academic Heritage, Italian Renaissance, Dante Studies, Bestuzhev Courses, Lithographed Lecture Notes, Students’ Publishing Activity

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.2.043-076

Настоящая статья представляет итоги проекта подготовки к научному изданию литографированного курса А.Н. Веселовского «Введение в “Божественную Комедию” Данте» (далее – *ВБКД*) и предваряет его первую публикацию в журнале «Соловьевские исследования». Речь идет о последнем из 16 сохранившихся изданий такого рода, содержащем прочитанный в 1887–1888 гг. на Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) Курсах (далее – *ВЖК*) специальный цикл лекций в рамках курса «Всеобщей литературы», который А.Н. Веселовский преподавал в Санкт-Петербургском университете с 1870 г. и на *ВЖК* с момента их открытия в 1878 г. Копия литографированного спецкурса об источниках «Божественной Комедии» (далее – *БК*) с подзаголовком «Введение в изучение *Божественной Комедии*» сохранилась в архиве А.Н. Веселовского в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (фонд 45)². Для настоящей публикации использована копия, находящаяся в РГБ, которая сохраняет полный текст³. Известны и другие экземпляры: в РНБ и Библиотеке СПбГУ. Однако, как свидетельствует библиограф Веселовского П.К. Симони, «в Б-ке СПб. Унив. есть экземпляр под шифром Е. П. 15514, по-видимому, неполный: 8°. Листы 1–10, стран. 1–160»⁴.

За подробности и пересказы не отвечаю ...

Из огромного научного наследия академика Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), – блистательного филолога-компаративиста, историка и теоретика литературы, снискавшего международную известность, в том числе, в качестве исследователя культуры итальянского Возрождения, – критика менее всего обращала внимание на литографические издания его университетских курсов. По настоящее время опубликованы лишь их отдельные фрагменты, и не один из этих лекционных курсов никогда не был издан в полном виде. Современные исследователи научного наследия А.Н. Веселовского лишь только вскользь упоминают или вовсе молчат о его курсах, несмотря на то что их литографические издания поныне доступны в главных библиотеках России, в основном в Москве (РГБ, ГПИБ) и Санкт-Петербурге (РНБ и ИРЛИ). Благодаря усилиям акад. В.М. Жирмунского, который включил ряд лекционных фрагментов в сборник работ ученого по «Исторической поэтике» (1940 г.)⁵, в советское

² Виноградов Г.С. Архив А.Н. Веселовского // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома. М.; Л., 1947. Вып. 1. С. 58 [1].

³ Веселовский А.Н. Введение в «Божественную Комедию» Данте. 1887–1888 г. / Пр. Веселовский; Высш. жен. курсы. СПб.: лит. Грбовой, [1888]. 288 с. [2]. Катал. № в РГБ: ОМФ2 Ф 1-61/4839.

⁴ См.: Симони П.К. Библиографический список учено-литературных трудов А.Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916 гг.). Пг., 1921. С. 36 [3].

⁵ Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. Л., 1940. С. 398–492, 636–643 [4].

время начался было процесс обнародования этих литографических изданий. Однако в недавнем проекте переиздания «Исторической поэтики» литографированные курсы А.Н. Веселовского были преднамеренно исключены из публикации⁶. По мнению современных издателей, для того имелась веская причина, поскольку в конце жизни сам А.Н. Веселовский отрицательно отзывался об этих студенческих литографиях. Так, в письме к А.В. Маркову от 08 ноября 1904 г. он пишет: «Спешу предупредить Вас, что мои литографированные лекции я никогда не правил и никогда в них не заглядывал, боясь – оскорбиться. Полагаю, что схема осталась моя, за подробности и пересказы не отвечаю; сужу так по попадавшимся мне на глаза цитатам» [6, с. 110].

На этом основании составитель и комментатор современных изданий работ А.Н. Веселовского по исторической поэтике И.О. Шайтанов заменяет опубликованные В.М. Жирмунским фрагменты литографированных курсов авторским конспектом лекционных курсов 1881–1882 и 1884–1885 гг. из публикации С.Н. Азбелева⁷, которая «возвращает к слову, хотя и конспективному, самого Веселовского»⁸. Эти соображения во многом справедливы. Действительно, участие в литографированных курсах, помимо А.Н. Веселовского, других лиц (переписчиков, составителей, издателей и т.д.) заставляет утверждать, что не все написанное в этих изданиях сохраняет аутентичное слово ученого и не все можно безусловно приписать его авторству. Тем не менее нам представляется, что такой подход не может служить основанием для радикального отказа от изучения и публикации литографических записей лекций А.Н. Веселовского, поскольку он лишь обязывает публикатора к особой ответственности по перекрестной сверке этих записей с другими работами или рукописями ученого и установлению маркирующих тексты скрытых цитаций из различных прочих первоисточников⁹.

Аналогичный подход в свое время был применен к литографированным учебным и публичным лекциям Вл. Соловьева, в особенности к «Лекциям по истории философии за 1880–1881 гг.», сохранившимся в фондах Российской Национальной библиотеки (под шифром Ф1 ОБ-7/5). Как известно, «значительным событием, открывающим новый аспект для соловьевских штудий, стала републикация В.А. Смирновым редкого литографического издания “Лекций по истории философии” Владимира Соловьева. <...> Особый интерес в этих лекциях представляет ... развитие оригинальных идей Соловьева о началах фило-

⁶ См., напр.: Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. СПб., 2006 [5].

⁷ Веселовский А.Н. Эпос. (Из авторского конспекта лекционных курсов) / публ. С.Н. Азбелева // Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / сост., коммент. И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 507–518 [7].

⁸ См.: Шайтанов И.О. Комментарии [к публикации «Эпос»] // Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / сост., коммент. И.О. Шайтанов. М., 2010. С. 519 [8].

⁹ О проблеме и свидетельствах авторского участия в литографированных курсах А.Н. Веселовского см. специальное исследование: Маццанти С. Литографированные курсы А.Н. Веселовского: типология и проблема авторства // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 302–336 [9].

софии»¹⁰. Эти записи лекций на *ВЖК* в Санкт-Петербурге в 1880–1881 учебном году были условно признаны авторизованными и причислены к основному корпусу сочинений Вл. Соловьева, «во-первых, потому, что многие их страницы являются почти буквальной перепечаткой текстов “Чтений о Богочеловечестве”, печатавшихся в 1878 г. Во-вторых, в РГАЛИ сохранилось много листов с черновиками этих лекций, причём публикуемый текст либо буквально совпадает с текстом черновиков, либо развивает кратко намеченную в них программу»¹¹. Свидетельством авторизации служит и отмеченный А.П. Козыревым факт «о том, что слушательница Е.А. Пельгорская готовила к изданию лекции философа и состояла с ним в переписке»¹².

К вводимому нами в научный оборот историко-литературному курсу *ВБКД*, прочитанному А.Н. Веселовским для старших курсов *ВЖК* в 1887–1888 учебном году, предварительно были применены критерии проверки аутентичности авторского слова, аналогичные критериям, примененным к лекциям Вл. Соловьева, т.е. проверка на наличие свидетельств авторизации и элементов почти буквальной переклички фрагментов текста с печатными или рукописными работами А.Н. Веселовского. Итоги такой проверки показывают, что доля его авторства в *ВБКД* несомненно очень велика: как и в рассмотренном выше случае с «Лекциями по истории философии» Вл. Соловьева, публикуемый нами цикл лекций о Данте, по нашему мнению, может быть причислен к легитимному корпусу сочинений А.Н. Веселовского.

Бестужевки и наследие А.Н. Веселовского

А.Н. Веселовский являлся профессором кафедры всеобщей литературы *ВЖК* с момента их открытия в 1878 г. и по 1889 г. по предмету «История Всеобщей литературы» (введенному университетским уставом 1863 г.). В библиотеке Курсов в числе учебных пособий и руководств по преподаваемым на историко-филологическом отделении предметам находились его литографированные лекции, указание на которые содержатся в Каталоге библиотеки: «Веселовский, Ал-др. Лекции по Всеобщей литературе. Спб. Высш. Женск. Курсы. 1882–1883», «Введение в Божественную Комедию Данте. Лекции на Спб. Высш. Женск. Курсах 1887–1888. Изд. Порозовской» [12, с. 209, 229] и др. Поскольку в то время в Санкт-Петербурге *ВЖК* как учебное заведение с университетским образованием для женщин создавались впервые, специальные курсы А.Н. Веселовского предполагали определенную легитимизацию, в связи с чем их учебные литографии прошли авторизованную поверку. Об этом факте сохранилось свидетельство ближайшего ученика А.Н. Веселовского

---

¹⁰ См.: Козырев А.П. Соловьев и гностики. М., 2007. С. 221 [10].

¹¹ См.: Наберухин Ю.И. Примечания // Соловьев В.С. Лекции по истории философии. СПб., 2012. С. 118 [11].

¹² См.: Козырев А.П. Соловьев и гностики. С. 221.

Е.В. Аничкова, который в эмиграции¹³ написал неопубликованные воспоминания, в частности, о периоде своего ученичества у Веселовского, где ученый сообщает, что изданный курсистками литографированный курс *ВБКД* был (возможно, и вынужденно, из-за вышеуказанных причин) проверен самим А.Н. Веселовским:

«Новый устав застал А<лекса>ндра Н<иколаевича>, когда его потянуло продолжить свои занятия ранним итальянским Возрождением, результатом чего была его первая диссертация «Вилла Альберти». В «Журнале Министерства <народного просвещения>», начиная с 1887 года, идут статьи, в которых В<еселов>ский как бы расчищал себе дорогу для книги о Боккаччо и его сверстниках. Что же читать студентам, какие объявлять курсы? Новый устав как будто подсказал новое направление в преподавании. По истории литературы он рекомендовал сосредоточиться на изучении нескольких великих писателей Запада. Вернувшись из-за границы, В<еселовски>й прочитал, правда не в Университете, а на Высших женских курсах (Бестужевских) два курса подобного рода: один о «Божественной комедии», другой о Шекспире. Оба они были изданы курсистками в литографированных листах и оба проверены самим А<лександр>ром Н<иколаевичем>. Я, разумеется, тогда же раздобыл их, но А<лекса>ндр Н<иколаевич> почему-то не любил о них упоминать. <...> Ответившие было требованиям Нового Устава курсы о Данте и о Шекспире, во-первых, были прочитаны не нам, студентам <Университета>, а курсисткам, а, во-вторых, так и остались последними историко-литературными курсами»¹⁴.

Как показал текстологический анализ курса, лекции имеют многочисленные, близкие к печатным текстам параллели с публикациями А.Н. Веселовского и рядом историко-литературных сочинений других авторов, к которым Веселовский обращался в своих статьях и лекциях, что свидетельствует о тщательной проверке и выверке авторского слова в подготовленной для литографии рукописи данного курса. Установлено, что, за исключением замены ряда «книжных оборотов» на разговорные, в лекциях А.Н. Веселовского присутствуют в сокращении многочисленные скрытые цитаты из его работ. Так, в лекциях обильно цитируются и пересказываются близко к тексту фрагменты

¹³ О филологе-фольклористе, историке литературы и критике проф. Е.В. Аничкове (1866–1937) как видном последователе школы Веселовского и о его трудах в эмиграции см.: Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. М.; СПб., 2016. С. 157–195 [13].

¹⁴ См.: Аничков Е.В. Александр Н. Веселовский как профессор // Аничков Е.В. В прежней России и за границей (Повесть о судьбах родины и себе самом). Часть вторая: Гимназия и студенчество. Тетрадь 13, с. 614–615, 622–623 [Скопье, июнь 1933 г.]. Архив САНУ (Сербской Академии наук и искусств, Белград). Историска збирка број: 9259/12. Авторы статьи приносят благодарность проф. Корнелии Ичин (Белградский университет) за возможность ознакомиться с фрагментами «Воспоминаний» Е.В. Аничкова.

глав «Откровения Мефодия и византийско-германская Императорская сага» и «Легенда о возвращающемся императоре» из «Опытов по истории развития христианской легенды» (1875 г.), «Св. Макарий и οi Μάκαρες» («Из истории романа и повести», Вып. I: Греко-византийский период, VI, 1886), а также статьи-рецензии «Противоречия итальянского Возрождения» (1887 г.), статья «Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада» (1888 г.), и другие работы ученого. Обширные фрагменты из этих последних двух статей в лекциях 6–8 повторяются практически дословно. При этом сокращения и небольшие литературные отличия привлекаемых текстов, вероятно, свидетельствуют о стремлении А.Н. Веселовского адаптировать «книжный» материал к лекции как живому слову. Ряд таких скрытых самоцитирований автор излагает с дополнительным обсуждением, так, как было отмечено С.Н. Азбелевым: «Теоретическое <...> осмысление массы изученных ученым фактов осуществлялось им в его лекционных курсах»¹⁵. Кроме того, в литографированных лекциях используются материалы, которые в то время еще не были опубликованы: это статьи «Легенды о диком охотнике: Опыт генетического объяснения» (1888 г.) и «Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада» (ноябрь 1888 г.)¹⁶. Более того, лекции 6–10 этого курса более полно раскрывают основные вопросы и имена, затронутые в статье «Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада», которая, очевидно, писалась параллельно с ними в первой половине 1888 г. Современный итальянский исследователь дантоведения Веселовского проф. Ренцо Раббони называет новаторской и, «повидимому, наиболее зрелой из работ о Данте»¹⁷ именно эту статью, где А.Н. Веселовский сосредоточивает внимание на типе амбивалентных грешников и исследует повторяемость, вариации и связи данного мотива с помощью множества отсылок к богатой литературе средневековых видений и загробных путешествий, задавшись целью «разграничить долю поэта от легенды, мотивы древних представлений от их нового понимания, определенного и новым спросом действительности и качествами личного убеждения»¹⁸, и тем самым определить степень культурно-исторической оригинальности, с которой Данте переосмысливает идеи, почерпнутые из этих традиций. В свою очередь, лекции о Данте не только более обширно включают использованный в данной статье материал, но и демонстрируют ту самую логику его теоретического осмысления, о которой говорит С.Н. Азбелев в вышеприведенной цитате. Верно и обратное, поскольку в контексте герменевтического анализа источников *БК* в

---

¹⁵ См.: Веселовский А.Н. Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов). С. 110.

¹⁶ См.: Веселовский А.Н. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // *ЖМНП*. 1888. Т. 260, отд. 11, ноябрь. С. 87–116 [14].

¹⁷ См.: Rabboni R. Veselovskij dantista: Sospesi, ignavi e indifferenti nell'inferno dantesco (1888) // *L'Italianistica oggi: ricerca e didattica, Atti del XIX Congresso dell'ADI-Associazione degli Italianisti* (Roma, 9–12 settembre 2015). Roma: Adi editore, 2017. P. 4 [15].

¹⁸ См.: Веселовский А.Н. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада. С. 87.

лекциях А.Н. Веселовского – привлеченные фрагменты специализированных публикаций обретают общую структуру, логику и новую актуальность.

Подробный анализ *ВБКД* показывает, что немалая часть лекций состоит из фрагментов других текстов, написанных и опубликованных как самим А.Н. Веселовским, так и другими учеными. Помимо обращения к собственным исследованиям, в лекциях приведены обширные дословные цитаты из главы «Фома Аквинский и его школа» известного сочинения Б.Н. Чичерина «История политических учений» (1869 г.), статьи графа А.А. Бобринского «Роман о Фовеле» (1888 г.), переведенной братом ученого Алексеем Николаевичем Веселовским, книги немецкого историка Ф.К. Вегеле «Данте Алигьери, его жизнь и сочинения» (1881 г.) и первого издания «Диалогов» Григория Великого «Святого отца нашего Григория Двоеслова Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души» (1858 г.). Пятую лекцию курса по большей части составляют пространные фрагменты из сочинений Б.Н. Чичерина и Ф.К. Вегеле. Основным цитируемым в переводе литературным источником для лекции 4 следует назвать книгу итальянского (туринского) историка литературы, медиевиста проф. Артуро Графа (1848–1913) «Рим в воспоминаниях и воображении Средневековья» [*Roma nella memoria e nelle immaginazioni del Medio Evo*] (1882, vol. 1), которая в ряде случаев буквально пересказывается в русском переводе.

Особо следует выделить непривычный для читателя сочинений Веселовского жанр его переводов на русский язык из латинских, французских и немецкоязычных средневековых первоисточников: в лекциях представлены переводы из письма Гунцона Грамматика, хроники Радульфа Глабера, «Романа о Розе» по книге Шарля Обертена (1825–1908) «История французского языка и литературы в Средние века согласно новейшим исследованиям» [*Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, d'après les travaux les plus récents*] (1883, т. 2), а также обширные цитаты из пророчеств Мехтильды Магдебургской (1207–1282), перевод которых был сделан А.Н. Веселовским из книги известного историка немецкого мистицизма, протестантского богослова Вильгельма Прегера (1827–1896) «История немецкого мистицизма в Средние века» [*Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter*] (1874, vol. 1).

При этом сам А.Н. Веселовский в лекциях не указывает на цитирование собственных книжных источников, как и на сами цитации, а лишь прилагает библиографические отсылки на критически рассматриваемую либо рекомендуемую для дополнительного изучения того или иного вопроса литературу. Проведенная работа по выявлению скрытых цитат и самоцитат в курсе Веселовского о Данте позволила не только выделить и обозначить их в предназначенном для публикации тексте лекций, но и определить, что выявленные заимствования отражают литературные первоисточники в основном без ошибок и близко к тексту. Это свидетельствует как об удивительной изначальной точ-

ности литографированных студенческих записей курсисток, так и о их несомненной авторизации А.Н. Веселовским. Более предметно проведенный анализ отражен в наших примечаниях и комментариях к спецкурсу *ВБКД*, публикуемому в настоящем и ряде последующих номеров журнала «Соловьевские исследования».

Таким образом, *ВБКД* можно представить как своего рода компиляцию разных текстов, сопровождаемую комментариями составителя: помимо частей, очевидно составленных специально для курса, здесь использованы также опубликованные работы, соединенные между собой вставками и добавлениями. Поскольку большинство заимствованных текстов не выделены кавычками, распознавание скрытых цитат создало немало затруднений при подготовке *ВБКД* к публикации, особенно когда исходный текст был написан не на русском языке, как в случае с упомянутыми сочинениями Прегера, Графа и Обертена. Непростой задачей оказалось выделение скрытых цитат при одновременном сохранении цельности авторского замысла.

Если учесть, что в большинстве случаев такие цитаты не обозначены кавычками, становятся еще более понятными опасения А.Н. Веселовского о распространении литографических текстов, подвергающих профессора риску обвинения в плагиате, хотя, конечно же, его не в чем упрекнуть: недопускаемые в опубликованном академическом материале скрытые цитаты являются абсолютно закономерными в контексте чтения университетских курсов. В действительности, использованные в литографированном курсе источники упоминаются или процитированы в печатных трудах А.Н. Веселовского.

При выявлении авторской части А.Н. Веселовского в литографированных лекциях *ВБКД* студенческого книгоиздания – было замечено, что даже буквально цитируемые фрагменты включают коррективы, которые нельзя объяснить опiskой или вставками переписчика, поскольку сложно предположить, чтобы студент или составитель использовал с такой свободой чужие материалы, в особенности статьи самого преподавателя, тем более еще не опубликованные. Из этого естественно вытекает вывод, что А.Н. Веселовский, вопреки своим высказываниям, не только проверял, но и, возможно, принимал непосредственное участие в составлении рукописного конспекта *ВБКД* как предназначенного для литографии специализированного учебного материала *ВЖК*. Существенно, что в *ВБКД* цитируются его статьи (например, «Противоречия итальянского Возрождения»), которые публиковались именно в то время, когда читались лекции, или которые еще не были в то время опубликованы. Абсолютно очевидно, что никто не мог предоставить переписчикам и составителям конспектов курса такой материал, кроме самого Веселовского.

Таким образом, по нашему заключению, особая организационная и социальная (в том числе, «феминистская») проблематика новооткрытых *ВЖК*, повышенное административное (а после университетского устава 1884 г. – чи-

новниче, «министерское»¹⁹) и общественное (в особенности, со стороны разночинной интеллигенции) внимание к ним, а также известный из мемуарных свидетельств пиетет целого ряда «бестужевок» к академическим лекциям и семинарам А.Н. Веселовского²⁰ привели к тому, что их именитый и солидарный с рядом либеральных «сверхзадач» ВЖК профессор²¹ волей-неволей был принужден выверить записи по крайней мере ряда своих специальных курсов, вопреки декларированной им обратной университетской практике.

Данте «на итальянской почве» как предмет лекций А.Н. Веселовского

Курс А.Н. Веселовского разделяется на 13 лекций и открывается подзаголовком «Введение», что следует воспринимать как введение ко всему курсу. Отметим, что сам заголовок курса *ВБКД* не упоминается более ни в начальном отделе, ни в других местах литографированного курса. Несмотря на то, что это название в основном соответствует содержанию, есть основания предполагать, что оно имеет более позднее происхождение. На первых страницах курса предметом лекций объявляется не *БК* и даже не Данте, а «тот период ее [Италии] развития, который известен в истории под названием периода “Renaissance”. Начнем мы наш курс с Данте»²². Но, кроме критики в ряде лекций воззрений авторитетного немецкого филолога Г. Кёртинга на Данте как

¹⁹ Об отношении Веселовского к новому Уставу и планах перестройки курсов см. в его письмах к Ф.Д. Батюшкову: Батюшков Ф.Д. Из неизданной книги «Около талантов»: Александр Николаевич Веселовский / подгот. к печати П.Р. Заборова // Рус. лит. 2006. № 4. С. 62–91 [16].

²⁰ Отметим, что речь идет не только о ставших известными в литературных кругах курсистках – от Е.В. Балабановой и О.М. Петерсон (1-й выпуск 1882 г.) до З.А. Венгеровой (вып. 1887 г.), Б.Д. Порозовской, Л.Я. Гуревич (вып. 1888 г.) и др., но и о тех курсистках-«равноправках», кто одним фактом своей добросовестной учебы и посильного «вспоможествования» в становлении собственной учебной литературы на ВЖК, в том числе записей для литографий, осознанно принимал участие в Женском движении и вносил свой вклад в «дело женского освобождения». Необходимость появления в составе библиотеки ВЖК специальных пособий для высшего женского образования, надо полагать, стала одной из причин того, что ориентированные на женскую аудиторию лекции А.Н. Веселовского записывались курсистками для их последующей литографии с особой ответственностью и тщанием.

²¹ Известно, например, что А.Н. Веселовский (вместе с другими профессорами) отказался от оплаты своего труда за первый учебный год преподавания на ВЖК (см.: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 96 [17]). В своей известной работе 1872 г. «Женщина и старинные теории любви» А.Н. Веселовский, в частности, пишет о роли женщин в истории развития личности и показывает, каким плодотворным началом в поэзии оказывалась всякая попытка признать за женщиной индивидуальное значение (см.: Веселовский А.Н. Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви // Беседа. 1872. Ч. 2, № 3 (Март). С. 245–299 [18]). Подробнее о ВЖК см.: Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М., 2018. С. 724–784 [19].

²² См.: Веселовский А.Н. Введение в «Божественную Комедию» Данте. 1887–1888 г. / Пр. Веселовский; Высш. жен. курсы. СПб.: лит. Гробовой, [1888]. С. 1. (Далее ссылки на это издание указаны в тексте в круглых скобках с указанием только страниц.)

предшественника Возрождения, во всем курсе больше нет ни слова собственно про Возрождение в традиционном понимании этого термина. Возможно, А.Н. Веселовский планировал охватить более обширный промежуток, но успел рассмотреть лишь начальный период Возрождения (поскольку новый прием на *ВЖК* был ранее прекращен, в 1889 г. профессор довел до экзаменов последний старший курс 4-го года обучения и оставил преподавание на *ВЖК*). В этой связи следует отметить, что последняя часть курса, согласно заявленному в первой лекции плану, также не доведена до конца: раздел «Влияние завожних литератур на итальянскую» только намечен в 13-й лекции, которая развивает предыдущий раздел «Аллегоризм в драме. *Moralités*» и заканчивается довольно внезапно без каких-либо выводов.

Во «Введении» к курсу А.Н. Веселовскому прежде всего было необходимо обоснованно сдвинуть почти на век раньше пределы Возрождения, чтобы включить в него Данте. Тем самым он подверг критике традиционное понятие об этой культурно-исторической эпохе как эпохе возвращения к классической традиции. Филолог доходит до кажущегося парадоксальным вывода, что именно в Италии, т.е. на родине Возрождения, его не было в общепринятом понятии, потому что именно здесь классические идеалы никогда не теряли свою живучесть (в этом отношении он соглашается с поэтом и филологом Дж. Кардуччи). Началом Возрождения А.Н. Веселовский объявляет Данте, потому что именно он представляет собой посредствующее звено между Средними веками и Возрождением: в его творчестве перерабатывается вся предыдущая традиция, смешавшая классическое и христианское начала для выражения индивидуальности. Следовательно, весь литографированный курс описывает, с одной стороны, предшествовавшие Данте традиции, а с другой – то, как поэт их оригинально использует для своих художественных целей.

На исключительную роль Италии в развитии европейской культуры А.Н. Веселовский указывает на протяжении всего курса (например, когда пишет о борьбе папства и империи). С одной стороны, это противостояние повлияло на развитие личности, заставляя каждого человека выбирать между двумя альтернативными началами, с другой стороны, оно «помешало образованию Итальянского королевства» (с. 6), поскольку и то и другое начала находили свое основание вне пределов национальности. Как империя являлась по определению наднациональным объединением (причем в то время императорами были представители германского, т.е. инородного для итальянцев, происхождения), так и роль папства выходила за пределы итальянских интересов: «С точки зрения христианства, будущее должно было осуществить не столько народный национальный идеал, сколько идеал христианский – национальность тут уступала место более широкому кругозору» (с. 21). И, с точки зрения языка, особенности итальянского Возрождения вытесняли народный элемент: развитию итальянского, как отдельного литературного языка, «мешала живучесть латинского языка» (с. 10). В этом отношении Данте являл собой, согласно Ве-

селовскому, более народный этап гуманизма, нежели Возрождение XV века, которое в области литературы обозначало несомненный шаг назад для развития итальянской культуры как таковой.

После «Введения» начинается собственно курс, в начале которого кратко, но очень четко описывается план предстоящих лекций. Разделы этого плана не всегда совпадают с разделением на лекции. В публикацию курса нами были включены (в квадратных скобках) эти ранее заявленные разделы, даже когда они в самом тексте оставались не обозначены.

ВБКД делится на две части: первая (лекции 1–8) показывает живучесть классического предания как в светском, так и в церковном восприятии (с. 11); вторая (лекции 9–11) посвящена христианской традиции. Первая часть разделяется, в свою очередь, на «внешнюю» и «внутреннюю» историю. Далее это разделение не всегда четко обозначено Веселовским: с одной стороны, «внешняя история» соответствует истории форм (классическое предание), тогда как «внутренняя история» описывает идейное содержание; с другой – в курсе мы находим иное разделение, где «внешняя история» скорее относится к событиям: «Возрождение бывает двоякое: реальное, или внешнее, и идеальное» (с. 5).

Как известно, об итальянской литературе и специально о Данте Веселовский писал очень много²³: одна из первых его работ – рецензия на биографию Данте²⁴. Итальянской литературе также посвящены первые две его большие работы о народной литературе: Введение к *Novella della figlia del re di Dacia* (1866 г.) и критическое издание *Paradiso degli Alberti* (1867–1869 гг.), которое автор переработал на русском языке и защитил в качестве кандидатской диссертации. В итоговом «Собрании сочинений» ученого «итальянская тема» занимает два объемных полутома.

Неудивительно, что интерес к А.Н. Веселовскому в современной итальянистике закономерно возрастает. Так, составленный итальянистом Р. Раббони список работ А.Н. Веселовского об итальянской литературе с кратким изложением содержания занимает более 80 страниц²⁵. Тот же Раббони вместе со слависткой Р. Де Джорджи, собрал и издал почти все работы А.Н. Веселовского о Данте, написанные на итальянском языке или в переводе на итальянский²⁶. В этих изданиях очень остро ощущается недостаточное внимание к литографическим изданиям А.Н. Веселовского. Нигде филолог не дал такой полный обзор одной национальной литературы, как в своих лекционных курсах, предметом

²³ О дантологических публикациях А.Н. Веселовского и их методологическом значении для современной науки см., напр.: Асоян А.А. Александр Веселовский, Данте и современность // Филология: научные исследования. 2013. № 4. С. 344–358 [20].

²⁴ Веселовский А.Н. [Рец. на:] Данте Алигизери, его жизнь и произведения // Отеч. записки. 1859. Т. 125, отд. IV. С. 44–52 [21].

²⁵ См.: Rabboni R. Per una bibliografia “italiana” di A.N. Veselovskij: gli studi sulla letteratura e sul folklore // Schede umanistiche. 2002. Vol. 16, no. 1. P. 5–88 [22].

²⁶ Veselovskij A.N. Studi su Dante / eds. R. Rabboni and R. De Giorgi. Pisa-Rome, 2017 [23].

которых были французская, немецкая и английская литературы, а итальянской литературе были полностью посвящены три литографированных курса. Помимо публикуемого нами *ВБКД*, из наследия Веселовского остались неопубликованными литографии двух курсов, читанных в 1880–1881 учебном году в двух различных учебных заведениях. Из них *ВБКД* представляет собой самое ценное дополнение к изданию Раббони и Де Джорджи: только здесь мы находим полное и развернутое изложение идей А.Н. Веселовского о Данте. Проект издания данного курса, таким образом, восполняет большой пробел в восприятии наследия А.Н. Веселовского. Впоследствии к этому изданию необходимо добавить публикацию и других литографических циклов лекций, в особенности двух курсов по итальянской литературе, включающих дополнительный анализ наследия Данте.

Помимо ценного материала для понимания итальянской литературы и истоков европейского Возрождения, в *ВБКД* намечен целый ряд теоретических проблем, объясняющих и предвещающих идеи, которые Веселовский развивал позднее в своих публикациях или оставил недоработанными. Ранее мы уже говорили о понятиях «внешней» и «внутренней» истории у Веселовского. В его курсе о Данте затрагиваются и другие темы, которые были частично намечены в цикле «История поэтических родов» и будут развиты позднее в работах по «Исторической поэтике». Например, объяснение распространения среди итальянцев таких не оправдываемых этнографическими признаками типов, как красавица-блондинка, напоминает главу исторической поэтики о «психологическом параллелизме»²⁷: «Объяснение представится само собой, если мы допустим, что поэтическое чутье Средних веков воспиталось на чтении Овидия и других классических поэтов, и что поэзия средневековая повторяет лишь старые римские идеалы» (с. 100). Роль «амебейности» и «антифонизма» в литературном развитии, которая имеет важное место в «Исторической поэтике»²⁸, подчеркивается и в литографированном курсе, например, для оригинального объяснения эпизода о Паоло и Франческе²⁹. Очевидную связь с циклом об истории литературных родов представляют собой вступительные строки к 7-й лекции, определяющие отличия эпоса и лирики³⁰, и к 9-й лекции, где средневековые христианские легенды описываются как «своего рода эпос церкви» (с. 137). Таким образом, *ВБКД* включает материал, предвещающий и проясняющий некоторые разрабатываемые в работах по «Исторической поэтике» теоретические построения.

В наиболее обширной 11-й лекции курса А.Н. Веселовский во многом опирается на материалы своих статей 1875 г. из цикла «Опыты по истории раз-

---

²⁷ См.: Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. С. 417–508.

²⁸ Там же. С. 228–229; 314 (и сл.).

²⁹ См.: Веселовский А.Н. Введение в «Божественную Комедию» Данте. С. 177–178 (ср.: С. 123–124, 280).

³⁰ Там же. С. 96–97.

вития христианской легенды», где, по заключению А.А. Панченко, «Веселовский достаточно подробно излагает один из главных теоретико-методологических принципов своих исследований в области религиозного фольклора Средних веков и Нового времени. В отличие от последователей “мифологической школы”, видевших почти во всех фольклорных мотивах и образах отголоски архаической мифологии, Веселовский утверждает, что европейская христианская культура не в меньшей степени способна продуцировать новые сюжеты и мотивы “мифологического характера”» [25, с. 13]. Этот теоретико-методологический принцип также прослеживается и в заключительных лекциях *ВБКД*: 1) в сопоставительном анализе источников из обширного контекста визионерских и эсхатологических легенд в западном и восточном христианстве; 2) в прослеживании миграции их сюжетов и мотивов от раннехристианской среды вплоть до *БК*.

Большое значение для восприятия наследия А.Н. Веселовского имеет сквозная тема аллегоризма, которому посвящен последний раздел курса. Помимо важного разграничения понятий «символ» и «аллегория», которые «прошли совершенно противоположные пути развития» (с. 237–238), в курсе представляется оригинальное объяснение психологических и исторических причин, обусловивших широчайшее распространение аллегоризма именно в средневековой Италии: стремление к сохранению классического предания при его вопиющем противоречии с христианским мировоззрением, приводило истолкователей к переосмыслению греческих и латинских авторов в христианском ключе. В курсе более или менее развернуто затрагиваются и другие аспекты, на которые будет специально указано в примечаниях к лекциям.

В *ВБКД* следует также отметить другой аспект, важный для исследователей творчества А.Н. Веселовского. О предшествовавших Данте веках много писал историк П.Н. Кудрявцев, лекции которого А.Н. Веселовский слушал в течение двух лет, когда он еще колебался между историей и литературоведением. Несмотря на то, что литературовед упоминает своего первого учителя только в автобиографии³¹, довольно очевидна близость его литографированного курса к работам П.Н. Кудрявцева. Такова, например, мысль о роли варварских народов для становления итальянской национальности, которая ранее была всесторонне обсуждена в издании диссертации П.Н. Кудрявцева «Судьбы Италии от падения Западной Римской Империи до восстановления ее Карлом Великом» (1850 г.)³². Можно также отметить возможное влияние другого историка, о котором до сих пор не упоминалось в связи со студенческой учебой А.Н. Веселовского. То, что С.В. Ешевский говорит о «живучести греческого элемента на юге Италии» в своей вступительной лекции к университетскому

³¹ См.: Веселовский А.Н. [Автобиография] // Пыпин А.Н. История русской этнографии: в 4 т. Т.2. СПб., 1891. С. 424–425 [26].

³² См.: Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской Империи до восстановления ее Карлом Великом.

курсу 1858 г.³³, с которым Веселовский по всей вероятности был знаком, близко напоминает фрагменты его собственного курса о Данте (с. 25–27) и монографии о Боккаччо³⁴. Таким образом, *ВБКД* предоставляет ценный материал не только для выяснения специальных и теоретических литературоведческих концепций А.Н. Веселовского, но и для изучения его источников в контексте российских гуманитарных наук того времени.

Невозможно даже перечислить все темы, затронутые в *ВБКД*. Если немалую часть текста этих лекций можно найти в опубликованных А.Н. Веселовским и другими авторами работах, то только здесь, в курсе, им дается столь обширное обобщение по излюбленному предмету ученого, итальянской литературе, где она представлена на фоне авторских концепций о развитии всеобщей литературы. Литографированные курсы А.Н. Веселовского, и в особенности *ВБКД*, можно, следовательно, воспринимать как соединительное звено между его теоретическими и практическими исследованиями.

Prolegomena к «Божественной Комедии»

Изучая зарубежный опыт преподавания, в 1862 г. А.Н. Веселовский писал в своем отчете «Из Берлина» о том, как ему представляется деятельность на кафедре всеобщей литературы в русских университетах, когда в России эта «наука у нас стоит еще на степени первобытного хозяйства. <...> Да и при желании специализироваться – на чем остановиться, на что преимущественно обратить внимание, когда еще ничего нет и нет выбора? Надо по возможности дать больше *prolegomena* литературной истории, надо помочь осмотреться в массе фактов, обозначить точки опоры, на которых потом может остановиться другой более счастливый и более специальный труд» [29, с. 158]. Именно такими «*prolegomena* литературной истории» *БК* в итоге предстают публикуемые лекции А.Н. Веселовского, название которых «Введением» к ее изучению оказывается методологически оправданным.

В том же отчете А.Н. Веселовский приводит пример своих размышлений о задачах истории всеобщей литературы как науки, привлекая в доказательство *БК*. А.Н. Веселовский пишет, что если «поэзия – цвет народной жизни, ... где бесконечно и цельно высказался характер народа, его цели и душевные стремления», то, «чтобы понять цвет этой жизни», необходимо ощутить запах почвы, «надо стоять на этой почве»³⁵. Так, историю провансальской поэзии нельзя ограничить биографиями трубадуров, так как они «поведут к рыцарству, к жизни замков и судьбе женщин в Средние века; на ярком фоне крестовых по-

---

³³ См.: Ешевский С.В. Центр римского мира и его провинции. I // Вестник Европы. 1866. Т. 3 (сентябрь). С. 186 [27].

³⁴ См.: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники. В 2 т. Т. 1. СПб., 1893. С. 20–25 [28].

³⁵ См.: Веселовский А.Н. Из Берлина / Извлечения из отчетов о занятиях во время заграничной командировки // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1863. Т. 117, январь – февраль. С. 155.

ходов яснее выскажется значение любовной песни; а сирвентезы заставят говорить об альбигойцах и их непоэтической литературе. <...> Все это также относится к истории литературы, хотя и не имеет претензии называться поэзией; разделить то и другое было бы также неуместно, как если бы кто вздумал ограничить изучение Данте одной поэтической экономией его Комедии, предоставив специалистам его исторические намеки, средневековую космогонию и богословские диспуты...» [29, с. 155].

Таким образом, *БК* для А.Н. Веселовского – «неисчерпаемый источник христианских и классических легенд, она долго будет привлекать исследователей, ибо материала сравнения с каждым днем открывается более, и вся опасность в том, как бы комментарий не перерос толкуемого и в исторической перспективе предания не затерялся величавый облик поэта...» [30, с. 172]. В своих пролегоменах к *БК* ученый выводит сравнительную историю литературы в область компаративного сопоставления различных видов культурного наследия, в том числе «пограничной литературы», расширяя общий историко-литературный экскурс к источникам Данте. Так, он акцентирует внимание на внецерковной литературе и религиозно-мистических идеях, основанных как на наследии античности, так и на христианском фольклоре, которые оказали влияние на Данте и отразились в мотивах и сюжете *БК*. Для демонстрации их типологических сходжений с образами *БК* А.Н. Веселовский привлекает в *ВБКД* обширное число источников, в том числе в переводе на русский язык, что выгодно отличает его лекции от специализированных научных публикаций ученого и делает их доступными даже для неподготовленного читателя. С помощью этих средств ученый, в частности, наглядно показывает в своих лекциях исключительную важность для понимания *БК* реконструкции фольклорных христианских преданий о визионерских путешествиях в загробный мир, а также стоящих за ними эсхатологических пророчеств и религиозно-философских представлений, которые, по его мнению, Данте первым сознательно использовал как «средство для выражения своих собственных идей» (с. 8). Ряд рассмотренных А.Н. Веселовским источников, казалось бы, так далеко отстоит от привычной «литературной истории» *БК*, что Раббони предпочитает говорить о том, что эти лекции «посвящены прецедентам, подготовившим эпоху Данте, в частности литературе средневековых видений, наиболее непосредственно связанной с дантовским видением, за которой следуют анализ концепции ада у Данте, аллегории первой песни Ада и аллегоризма в религиозной, любовной и сатирической литературе первых веков...» (и т.д.) [15, с. 1]. В итоге, рассматривая «методологически новаторские», согласно тезису автора, предваряющие формалистические и семиотические подходы – «интерпретации эпизодов Комедии, касающихся типологии амбивалентных грешников», Раббони в своем новом исследовании³⁶

³⁶ Rabboni R. *Frontiere di culture, frontiere dell'aldilà: Aleksandr N. Veselovskij, la Commedia e la letteratura folclorica // Confini, identità, appartenenze: Scenari letterari e filmici dell'Alpe Adria*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. P. 178 [31].

статьи А.Н. Веселовского «Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада», к сожалению, не принимает во внимание текст *ВБКД*, где эти вопросы впервые обширно обсуждаются А.Н. Веселовским.

По нашему мнению, рассмотренные текстовые особенности *ВБКД*, а также мемуарное свидетельство Е.В. Аничкова о том, что этот курс, изданный курсистками в литографированных листах, был проверен самим А.Н. Веселовским, позволяют сделать обоснованный вывод о соответствии литографированных лекций авторской воле А.Н. Веселовского и его итоговом авторстве публикуемого курса. В заключение остается выразить надежду, что предпринятое нами введение в научный оборот этого оригинального цикла об источниках *БК* вернет к нему интерес исследователей и внимание ценителей наследия Данте.

Список литературы

1. Виноградов Г.С. Архив А.Н. Веселовского // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Вып. 1. С. 58–65.
2. Веселовский А.Н. Введение в «Божественную Комедию» Данте. 1887–1888 г. / Пр. Веселовский; Выш. жен. курсы. СПб.: лит. Грбовой, [1888]. 288 с.
3. Симони П.К. Библиографический список учено-литературных трудов А.Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916 гг.). Пг.: 12-я Гос. тип., 1921. 68 с.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. Л.: ГИХЛ, 1940. 652 с.
5. Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика / вступ. ст. и коммент., сост. тома И.О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. 687 с.
6. Веселовский А.Н. Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов) / публ. и коммент. С.Н. Азбелева // Александр Веселовский. Избранные труды и письма. СПб.: Наука, 1999. С. 99–118.
7. Веселовский А.Н. Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов) / публ. С.Н. Азбелева // Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / сост., коммент. И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 507–518.
8. Шайтанов И.О. Комментарии [к публикации «Эпос»] // Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / сост., коммент. И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 518–520.
9. Маццанти С. Неизвестные литографированные курсы А.Н. Веселовского: типологизация и проблема авторства // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 302–336. DOI: 10.22455/2541-8297-2021-22-302-336.
10. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С.А., 2007. 544 с.
11. Наберухин Ю.И. Примечания // Соловьев В.С. Лекции по истории философии. СПб.: Второе пространство, 2012. С. 118–121.
12. Каталог Библиотеки С.-Петербургских высших женских курсов: ист.-филол. отд. СПб.: типо-литография «Герольд», 1908. 275 с.
13. Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 157–195.
14. Веселовский А.Н. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Т. 260, отд. 11, ноябрь. С. 87–116.
15. Rabboni R. Veselovskij dantista: Sospesi, ignavi e indifferenti nell'Inferno dantesco (1888) // L'Italianistica oggi: ricerca e didattica, Atti del XIX Congresso dell'ADI-Associazione degli Italianisti

(Roma, 9–12 settembre 2015). Roma: Adi editore, 2017. P. 1–10 [Электронное издание] [https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/aitalianistica-oggi-ricerca-e-didattica/Rabboni\(1\).pdf](https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/aitalianistica-oggi-ricerca-e-didattica/Rabboni(1).pdf) (доступ от 10.10.2021).

16. Батюшков Ф.Д. Из неизданной книги «Около талантов»: Александр Николаевич Веселовский / подгот. к печати П.П. Заборова // Русская литература. 2006. № 4. С. 62–91.
17. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
18. Веселовский А.Н. Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви // Беседа. 1872. Ч. 2, № 3 (Март). С. 245–299.
19. Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: РОССПЭН, 2018. 903 с.
20. Асоян А.А. Александр Веселовский, Данте и современность // Филология: научные исследования. 2013. № 4. С. 344–358. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.4.10426.
21. Веселовский А.Н. [Рец. на] Данте Алигиэри, его жизнь и произведения // Отечественные записки. 1859. Т. 125, отд. IV. С. 44–52.
22. Rabboni R. Per una bibliografia “italiana” di A.N. Veselovskij: gli studi sulla letteratura e sul folklore // Schede umanistiche. 2002. Vol. 16, № 1. P. 5–88.
23. Veselovskij A.N. Studi su Dante. Eds. R. Rabboni and R. De Giorgi. Pisa-Roma: Fabrizio Serra Editore, 2017. 188 p. (La Parola del Testo 21.1–2).
24. Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской Империи до восстановления ее Карлом Великом. М.: Унив. типография, 1850. 726 с.
25. Панченко А.А. А.Н. Веселовский и теория фольклорной легенды // Русская литература. 2013. № 1. С. 3–20.
26. Веселовский А.Н. [Автобиография] // Пыпин А.Н. История русской этнографии: в 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1891. С. 422–427.
27. Ешевский С.В. Центр римского мира и его провинции. I // Вестник Европы. 1866. Т. 3 (сентябрь). С. 175–231.
28. Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники. В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. 561 с.
29. Веселовский А.Н. Из Берлина / Извлечения из отчетов о занятиях во время заграничной командировки // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1863. Т. 117, январь – февраль. С. 152–160.
30. Веселовский А.Н. Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эхатологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1889. Т. 46, № 6. С. 117–172.
31. Rabboni R. Frontiere di culture, frontiere dell’aldilà: Aleksandr N. Veselovskij, la *Commedia* e la letteratura folclorica // Confini, identità, appartenenze: Scenari letterari e filmici dell’Alpe Adria. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. P. 177–188. DOI: 10.1515/9783110640069-013.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Asoyan, A.A. Aleksandr Veselovskiy, Dante i sovremennost' [Alexander Veselovsky, Dante and modern times], in *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2013, no. 4, pp. 344–358. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.4.10426.
2. Batyushkov, F.D. Iz neizdannoy knigi «Okolo talantov»: Aleksandr Nikolaevich Veselovskiy [From the unpublished book “About talents”: Alexander Nikolaevich Veselovsky], in *Russkaya literatura*, 2006, no. 4, pp. 62–91.
3. Eshevskiy, S.V. Tsentr rimskogo mira i ego provintsii (I) [Center of the Roman world and its provinces, part one], in *Vestnik Evropy*, 1866, vol. 3 (september), pp. 175–231.

4. Mazzanti, S. Litografirovannye kursy A.N. Veselovskogo: tipologiya i problema avtorstva [Lithographic courses by A.N. Veselovsky: typology and issues about the author], in *Literaturnyy fakt*, 2021, no. 4(22), pp. 302–336. DOI: 10.22455/2541-8297-2021-22-302-336.
5. Panchenko, A.A. A.N. Veselovskiy i teoriya fol'klornoy legendy [A.N. Veselovsky and the theory of Folk Legend], in *Russkaya literatura*, 2013, no. 1, pp. 3–20.
6. Rabboni, R. Per una bibliografia "italiana" di A.N. Veselovskij: gli studi sulla letteratura e sul folclore. *Schede umanistiche*, 2002, vol. 16, no. 1, pp. 5–88.
7. Veselovskiy, A.N. [Review] Dante Alighieri; ego zhizn' i proizvedeniya [Dante Alighieri: His life and works], in *Otechestvennyye zapiski*, 1859, vol. 125, part IV, pp. 44–52.
8. Veselovskiy, A.N. Iz Berlina. Izvlecheniya iz otchetov o zanyatiyakh vo vremya zagranichnoy komandirovki [From Berlin: Report on research during a trip abroad], in *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, 1863, vol. 117 (january-february), pp. 152–160.
9. Veselovskiy, A.N. Iz istorii razvitiya lichnosti: Zhenshchina i starinnye teorii lyubvi [From the history of personality development. Woman and old theories of love], in *Beseda*, 1872, part 2, no. 3, pp. 245–299.
10. Veselovskiy, A.N. Nereshennyye, nereshitel'nye i bezrazlichnyye dantovskogo ada [Unresolved, indecisive and indifferent of Dante's "Hell"], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1888, vol. 260, part 11 (november), pp. 87–116.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

11. *Katalog Biblioteki S.-Peterburgskikh vysshikh zhenskikh kursov: ist.-filol. otd.* [Catalog of the library of the St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women: Historical and Philological Department]. Saint-Petersburg: Tipo-litografiya "Gerol'd", 1908. 275 p.
12. Naberukhin, Yu.I. Primechaniya [Notes], in Solov'ev, V.S. *Leksii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy]. Saint-Petersburg: Vtoroe prostranstvo, 2012, pp. 118–121.
13. Rabboni, R. Frontiere di culture, frontiere dell'aldilà: Aleksandr N. Veselovskij, la Commedia e la letteratura folclorica. Confini, identità, appartenenze: Scenari letterari e filmici dell'Alpe Adria. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020, pp. 177–188. DOI: 10.1515/9783110640069-013.
14. Rychkov, A.L. Razyskaniya A.N. Veselovskogo po religioznomu fol'kloru v kriticheskom osmyslenii E.V. Anichkova 1920–1930 gg. [Apocryphal folklore in the studies of A.N. Veselovsky's and their critical rethinking in E.V. Anichkov publications (1920–1930)], in *Nasledie Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy* [Heritage of Alexander Veselovsky. Studies and Materials]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, pp. 157–195.
15. Simoni, P.K. Bibliograficheskiy spisok ucheno-literaturnykh trudov A.N. Veselovskogo [Bibliographic list of scientific and literary works of A.N. Veselovsky], in *Pamyati akademika Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo: Po sluchayu desyatiletiya so dnya ego smerti (1906–1916 gg.)* [In memory of academician Alexander Nikolaevich Veselovsky: On the occasion of the tenth anniversary of his death (1906–1916)]. Petrograd: 12 Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. 68 p.
16. Shaytanov, I.O. Kommentarii (k publikatsii «Epos») [Comments: to the publication of "Epos"], in Veselovskiy, A.N. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike* [Selected: On the way to historical poetics]. Moscow: Avtokniga, 2010, pp. 518–520.
17. Veselovskiy, A.N. Bezrazlichnyye i oboydnyye v Zhitii Vasiliya Novogo i narodnoy eskhatalogii [Indifferents and reciprocals in the Life of Basil the New and in folk eschatology], in *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Collection of department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, 1889, vol. 46, no. 6, pp. 117–172.
18. Veselovskiy, A.N. Avtobiografiya [Autobiography], in Pypin, A.N. *Istoriya russkoy etnografii v 4 t., t. 2* [History of Russian Ethnography in 4 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1891, pp. 422–427.

19. Veselovskiy, A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, 1940. 652 p.

20. Veselovskiy, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poetika* [Selected: Historical poetics]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 687 p.

21. Veselovskiy, A.N. Epos (Iz avtorskogo konspekta leksionnykh kursov) [Epos (From the author's summary of lecture courses)], in Veselovskiy, A.N. *Izbrannye trudy i pis'ma* [Selected Works and Letters]. Saint-Petersburg: Nauka, 1999, pp. 99–118.

22. Veselovskiy, A.N. Epos (Iz avtorskogo konspekta leksionnykh kursov) [Epos (From the author's summary of lecture courses)], in Veselovskiy, A.N. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike* [Selected: On the way to historical poetics]. Moscow: Avtokniga, 2010, pp. 507–518.

23. Veselovskij, A.N. *Studi su Dante*. Pisa-Rome: Fabrizio Serra Editore, 2017. 188 p. (La Parola del Testo 21.1–2).

24. Vinogradov, G.S. Arkhiv A.N. Veselovskogo [Archive of A.N. Veselovsky], in *Byulleteni rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma* [Bulletins of the Manuscript Department of the "Pushkin House"]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1947, issue 1, pp. 58–65.

(Monographs)

25. Kozyrev, A.P. *Solov'ev i gnostiki* [Soloviev and Gnostics]. Moscow: Izdatel' Savin S.A., 2007. 544 p.

26. Kudryavtsev, P.N. *Sud'by Italii ot padeniya Zapadnoy Rimskoy Imperii do vosstanovleniya ee Karlom Velikom* [The fate of Italy from the fall of the Western Roman Empire to its restoration by Charlemagne]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1850. 726 p.

27. Vakhromeeva, O.B. *Prepodavanie nauk na Vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursakh (1878–1918)* [Teaching of sciences at the Higher women's (Bestuzhev) courses (1878–1918)]. Moscow: ROSSPEN, 2018. 903 p.

28. Veselovskiy, A.N. *Vvedenie v «Bozhestvennuyu komediyu» Dante. 1887–1888 g.* [An introduction to Dante's "Divine Comedy"]. Prof. Veselovskiy; Higher Courses for Women. Saint-Petersburg: Lithography Grobovoy, 1888. 288 p.

29. Veselovskiy, A.N. *Bokkachcho, ego sreda i sverstniki v 2 t., t. 1* [Boccaccio, his environment and contemporaries in 2 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1893. 561 p.

30. Yukina, I.I. *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2007. 544 p.

(Electronic Resources)

31. Rabboni, R. Veselovskij dantista: Sospesi, ignavi e indifferenti nell'inferno dantesco (1888). *L'Italianistica oggi: ricerca e didattica*, Atti del XIX Congresso dell'ADI-Associazione degli Italianisti (Roma, 9–12 settembre 2015). Roma, Adi editore, 2017, pp. 1–10. Available at: <[https://www.italianisti.it/publicazioni/atti-di-congresso/laitalianistica-oggi-ricerca-e-didattica/Rabboni\(1\).pdf](https://www.italianisti.it/publicazioni/atti-di-congresso/laitalianistica-oggi-ricerca-e-didattica/Rabboni(1).pdf)> (accessed 10.10.2021).

**Введение в «Божественную Комедию» Данте.
Лекции по всеобщей литературе: курс 1887–1888 гг.**

Александр Николаевич Веселовский

Часть первая. Лекции первая и вторая

Подготовка к публикации и комментарии С. Маццанти и А.Л. Рычкова

**An Introduction to Dante's "Divine Comedy".
Lectures on General Literature: The Training Course 1887–1888**

Aleksandr Nikolaevich Veselovsky

Part one. Lectures one and two

Prepared for publication and commented by S. Mazzanti and A.L. Rychkov

План курса с указанием лекции

Введение	I
Отдел первый: Классическое Возрождение до Данте.	
1. Внешняя история классического предания в Италии:	
1.1. Развитие классического элемента в светских школах;	I–II
1.2. Следы классического предания в школах церковных;	II
1.3. Литература вагантов;	II
1.4. Деятельность Фридриха II и его кружка.	III
2. Внутреннее развитие классического предания в Италии:	
2.1. Итальянские хроники. Легенды о памятниках Рима. Легенды об императорах;	IV
2.2. Идея Рима. Политический идеал Фомы Аквинского и Данте;	V
2.3. Литературные традиции Рима;	VI–VII
2.4. Религиозное предание Рима;	VII
2.5. Народно-демократический мистицизм в Италии.	VIII
Отдел второй: Церковные предания.	
3.1. Легенды о хождении на тот свет;	IX
3.2. Строеие дантовского ада. Принцип наказаний;	X
3.3. Аллегория I песни «Ада». Дантовский <i>Veltro</i> и его происхождение. Христианская философия истории. Иоахим Флорский и его последователи. Легенды о грядущем избавителе;	XI
3.4. Аллегоризм в литературе богословской и светской. Аллегория религиозно-нравственная, любовная и сатирическая.	
Аллегоризм в драме. <i>Moralités</i> ;	XII
3.5. Влияние завожних литератур на итальянскую.	XIII

Лекция первая¹

Введение

Предметом наших чтений в этом году будет итальянская литература и преимущественно тот период ее развития, который известен в истории под названием периода «Renaissance». Начнем мы наш курс с Данте.

Понятие «Renaissance» в общем, конечно, всем знакомо, тем не менее в науке приходится считаться с различными мнениями о нем. Обыкновенно говорят о Возрождении, как о движении, начинающемся в Италии в начале XIV в. с Петрарки и перекидывающемся во Францию и Германию, причем это Возрождение понимается, как попытка воскрешения классических знаний. В этом Возрождении, понятом внешним образом, Данте играет, конечно, лишь второстепенную роль. Он стоит вне этого Возрождения, но в нем самом много черт,^[3] которые заставляют его, тем не менее, выделить из Средних веков. В нем чувствуется что-то своё, оригинальное, чувствуется присутствие личности. В лице Данте перед нами не [просто] факт средневекового развития, а развития своеобразного, которое гораздо ближе подходит к тому, что мы обозначаем понятием «Renaissance». В последних обозрениях литературы Возрождения вопрос о том, что такое было это Возрождение – поставлен неясно. Мы имеем в виду книгу [Густава] Кёртинга «Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien» [«Истоки литературы эпохи Возрождения в Италии»] (von G. Körting. 3 т.). По мнению Кёртинга, Данте не национальный поэт, а его место в ряду тех великих поэтов, которые принадлежат всемирной литературе; его произведения – продукт не национального, а общечеловеческого развития и представляют наиболее полное выражение средневековых воззрений¹. С таким мнением мы не можем согласиться. Возрождение мы не можем понимать лишь одним внешним образом, как воскресение классических знаний; вообще, понятия Средних веков и Возрождения меняются для разных стран. Если мы будем понимать Воз-

---

¹ Лекции воспроизводятся по рукописному литографированному курсу: Веселовский А.Н. Введение в «Божественную Комедию» Данте. 1887–1888 г. / Пр. Веселовский; Высш. жен. курсы. СПб: лит. Гробовой, [1888]. 288 с. Оригинал хранится в РГБ: ОМФ2 Ф 1-61/4839. В публикуемом тексте дореформенная орфография и ряд упоминаемых имен приведены к современной практике написания (напр., Виргилій = Вергилий, Иоахимо-де-Флорис = Иоахим Флорский и т.д.), а также раскрыты авторские и библиографические сокращения и уточнена пунктуация. Редакторские вставки заключены в квадратные скобки, римскими цифрами обозначены ссылки на необходимые комментарии публикаторов, представленные после текста каждой лекции. Арабскими цифрами обозначены сноски на скрытые цитаты и литературные источники, не отмеченные в тексте литографии, авторские отсылки и комментарии помечены знаком «звездочка». Нумерация страниц литографического курса сохранена и для удобства размещена в квадратных скобках в верхнем регистре (номер указывает на конец страницы). Сокращением «Л.» с римскими цифрами обозначены ссылки на лекцию публикуемого курса. План лекций А.Н. Веселовского (далее – В.) составлен публикаторами согласно общему плану курса в Л. 1 и заголовкам в лекциях.

рождение именно как воскресение классических знаний, то Италия в сущности ^[4] не имела Возрождения, не имела его потому, что в ней классические предания никогда окончательно не были заглушены.

Возрождение бывает двоякое: реальное, или внешнее, и идеальное, т.е. когда люди начинают не только интересоваться классическими древностями, но проникаются и начинают жить и старинными идеалами. Для Италии мы, очевидно, должны понимать Возрождение именно в последнем смысле.

Характер и значение идеального развития в Италии определяются двумя моментами – политическим и культурным. В Италии существовали совершенно особые, отличные от остальной Европы условия политического развития, определявшиеся местными условиями. Везде XI и последующие века были периодом борьбы церковной и императорской власти, движения, имевшего, несомненно, громадное общественное значение. В Италии эта борьба носила особый характер. Здесь папство было представителем римской традиции, римской централизации и в своем лице защищало их от притязаний внешней власти – власти императорской, также коренившейся в преданиях Рима. Борьба здесь принимает особый, острый характер, образуются партии – в результате то, что ни папство, ни империя не получили ^[5] перевеса, а вместе с тем это помешало образованию Итальянского королевства. Италия осталась необъединенной. Долговременная борьба партий привела к образованию городской жизни: партии обособлялись в городах и сражались за интересы папы или императора. Затем образуются партии средние, нейтральные, народные. Резкая борьба мнений привела к выработке самостоятельных суждений, самостоятельной критики. Люди становились на сторону той или другой партии не только по рождению, но и по симпатиям. Так случилось и с Данте. Он сам говорит, что в известную пору своей жизни он один составлял свою партию [Рай, XVII, 69]^[1].

Таким образом, результатом этих брожений с одной стороны является обособление личности, личного мнения, с другой – они приводят постепенно к выработке идеи национальности. В Данте эти результаты сказываются особенно ясно. У него Италия представляется как культурное целое и, с другой стороны, он является самостоятельным судьей своей современности.

Второй момент, определяющий характер итальянского развития – это момент культурный. В Италии, как и во всей Европе, представительницей культуры была церковь. ^[6] В церковных школах читались латинские тексты; благодаря этому, классические предания проникали в жизнь, хотя, конечно, лишь такие, в которых языческий элемент выступал не слишком резко. Рядом с церковными школами существовали и школы светские, служившие представительницами светской науки. Эти школы, посещавшиеся и церковными людьми, сохраняли традиции, шедшие по большей части даже наперекор церкви и связанные с традициями древнего Рима. Эти традиции проникали в народ, держались в его обычных воззрениях и даже отчасти институтах. Между этими двумя течениями необходимо было сделать выбор, и эта необходимость опять-

таки должна была привести к выработке личности. В людях того времени мы действительно замечаем раннее развитие личного начала, чего нет в остальной Европе. И вот причина, почему мы Данте причисляем к людям Возрождения, понимаемого именно в данном смысле т.е. в смысле возрождения не внешнего, а внутреннего – идеального.

Чтобы дать некоторое понятие о том, как сильно было это личное начало в Данте, достаточно обратить внимание на ту манеру, с которой он обработал в своей ^[7] «Божественной Комедии» народные легенды. Легенды, вроде той, которая послужила канвой для «Божественной Комедии», легенды о загробных видениях были весьма распространены в народе и существовали, как предмет веры, еще долго после Данте. Между тем этот религиозный сюжет послужил для Данте только средством для выражения своих собственных идей, материалом для аллегорической работы. Возьмем другой факт, не менее известный – роль Беатриче и ее значение. Беатриче – это 9-летняя девочка, которую Данте увидел еще будучи мальчиком и увлекся ею. Это была привязанность чистая, поэтическая, но скоро прекратившаяся. Беатриче вышла замуж и прожила недолго. Этот поэтический образ, взлелеянный Данте, играет важную роль в его произведении. В последнее время в итальянской критике появилось мнение, что Беатриче никогда и не существовала; однако это мнение оказалось несостоятельным^{III}. Причина такого отрицательного, недоверчивого отношения со стороны критики заключалось именно в странности роли, которую Беатриче играет в «Божественной Комедии». Казалось непонятным, каким образом Беатриче, предмет земной страсти, могла быть поставлена Данте на такую высоту, стать аллегорией ^[8] Богословия. Ответ на это дает совместный факт: появление самого Данте на путях осужденных, испытываемых и блаженных. Там и здесь точку отправления дало верование, легенда, отдавшая свои формы для выражения личного, биографического содержания.

Последующее обозрение наше мы расположим по двум отделам. Прежде всего мы проследим историю классического Возрождения до Данте. Этот отдел распадется на несколько подразделений. Сначала мы укажем на живучесть классических преданий в светских школах [Л. I–II]; рядом с этим укажем на следы этого предания и в школах церковных [Л. II]. Далее мы займемся вопросом о заходке в Италию поэзии вагантов [Л. II] и об образовательной деятельности Фридриха II [Л. III] и его кружка. Этим мы завершим обозрение внешней истории классического предания в Италии и перейдем к его внутреннему развитию: к вопросу о живучести римской идеи в культурных классах итальянского общества [Л. IV–VIII]. Ответ дадут легенды итальянских хроник о происхождении городов, баснословные рассказы о памятниках Рима, о его деятелях и императорах [Л. IV]. Эту удержавшуюся в Средние века идею Рима мы попытаемся анализировать с разных точек зрения, отвечая на ^[9] вопросы: как отразились в средневе-

ковом понимании политические [Л. V], литературные [Л. VI–VII] и религиозные идеи [Л. VII–VIII], завещанные языческой культурой.

Второй отдел будет заключать в себе обозрение церковных преданий [Л. VIII–XIII], причем особенное внимание будет обращено на группы преданий о хождении на тот свет [Л. IX] и своеобразные философски-религиозные представления о будущем избавителе Италии, дантовском Veltro [Л. X]. В заключении нам останется решить еще один вопрос: о влиянии завожних литератур (французской и провансальской) на итальянскую [Л. XIII].

[Отдел первый: Классическое Возрождение до Данте

1. Внешняя история классического предания в Италии]

Как известно, итальянский язык сложился позже, чем остальные романские, например французский, так как здесь окончательной выработке его, которая могла бы сделать его языком народных поэтических произведений, мешала живучесть латинского языка. В пору расцвета провансальской поэзии в Италии народный язык еще не стал органом итальянской поэзии, и ее первые памятники были навеяны западными образцами. Поневоле представляется вопрос, что сделала Италия с этим завожим материалом, как она усвоила себе, например, чуждый ей рыцарский идеал женщины, рыцарский этикет, самые формы поэзии и т. п. Все это предварительное обозрение будет служить для нас подготовкой ^[10] к усвоению Данте.

Итак, сообразно нашему плану, нам предстоит теперь обратиться к рассмотрению 1) светского классического предания, жившего вне церковной опеки и 2) предания классического же, но в окраске церкви.

[1.1. Развитие классического элемента в светских школах]

Как мы уже говорили, представительницами светского предания, светской науки были школы, которые только в одной Италии имели светский характер, между тем как в остальной Европе существовали только школы церковно-монастырские и епископальные, где главным предметом преподавания было богословие и где обучение имело в виду лишь клерикальные карьеры. Между северными и южными школами поэтому существовало существенное различие. Первые имели в виду лишь формальное, теоретическое образование, вторые преследовали более практические цели. Сообразно с этим и обучение латинскому языку здесь и там носило особый характер – на севере, где латинский язык был чужим, его преподавали по всем правилам грамматики, между тем как на юге, где латинский язык был живой и употреблялся народом, хотя уже в испорченном виде, грамматика отступала на задний план, а главное внимание обращалось на риторiku и ^[11] стилистику, которые преследовали чисто практические цели. В большом ходу было здесь руководство также практиче-

ское – «Ars dictaminis» [«Искусства письма»]^{IV} – нечто вроде сборника, учившего писать деловые бумаги и снабженного, как пособием для украшения стиля, разными извлечениями из Цицерона и других классических писателей. Благодаря такому различию в преподавании латинского языка на севере и на юге, внешнее формальное знание языка и грамматики было на севере даже более развито, чем на юге. Так, когда в X в. император Оттон I вызвал из Италии грамматика Гунциона [Новарского], то последний даже подвергся насмешкам одного С[анкт-Галлен]ского монаха, который уличил его в незнании многих грамматических правил и особенно в смешении падежей, причем Гунцион в оправдание согласился на то, что он следует народной латинской речи^V. Самое название учителя в Италии – грамматика, ритора, или адвоката – указывает на его значение и характер его деятельности. Учитель должен был знать законы, уметь вести дела и корреспонденцию и т. п. Рядом с этим в Салерно существовала еще школа, имевшая характер медицинского факультета, также основанная не на опыте, а на изучении древних медиков, как светская школа лелеяла предания латинской риторики.^[12]

Итак, как мы видим, в Италии светское классическое предание никогда не прекращалось в школах, а сведения наши о последних восходят даже к остготской поре. Теодорих [Великий], почитатель римской цивилизации, заботился о них. Они продолжали существовать и в лангобардский период. Так, мы имеем известие о грамматике Феликсе, жившем при короле Куниберте Лангобардском и почтённом от него даром серебряного жезла. Ученик его [Фла]виан был учителем известного Павла Варнефрида [Диакона]. От VI в. мы имеем известие о грамматиках в Равенне, от VIII – в Лукке и т.д. Что в этих школах направление было чисто светское – это сознавалось даже современниками. Так, в Италии епископ Веронский Ратерий (X в.) протестует против излишних занятий светскими науками, говоря, что за грамматикой забыто богословие. Известно, что даже те немногие итальянские ученые, которые посветили себя богословию, жили по большей части вне Италии. С другой стороны, в итальянские школы стекались учащиеся со всех сторон. От XI в. мы имеем известие одного монаха, который приезжал учиться в Павию и указывает на присутствие там массы учащихся из других стран. В XII в., впрочем, главным центром,^[13] привлекавшим учащихся, сделался Парижский университет. В итальянских школах были в большом ходу сочинения Цицерона, Горация, Вергилия и Ювенала, которыми увлекались и многие духовные, несмотря на то, что с точки зрения церковников чтение этих писателей было противно богословию. Интересен анекдот, рассказываемый Глабером о равеннском грамматике Вильгарде. Последний, зачитавшись однажды классиками, заснул и увидел во сне демонов в образе Горация, Вергилия и Ювенала, которые благодарили его за то, что он посвятил себя их изучению и сделался провозвестником их славы, и обещали ему в будущей жизни разделение с ними их славы^{VI}.

О прикладном характере итальянского школьного образования может дать некоторое понятие один интересный памятник – «Rhetorimachia» [«Риторимахия», букв.: «Баталия риторов»] некоего Ансельма [Бесатского], называвшего себя Перипатетиком и жившего при дворе [императора] Генриха III (XI в.). Сочинение Ансельма, – риторическая схема. Оскорбленный будто бы в письме своим племянником Ротиландом, он сперва оправдывает себя, а потом обвиняет Ротиланда^{VII}. Подобный сюжет представлял Ансельму возможность показать наглядно, как следует вести диспуты; высказал он также при этом свою^[14] начитанность и знакомство с сочинениями Цицерона, Горация, Вергилия и др., и даже знание новелл Юстиниана, Юлиана и т. п. Но особенно интересен этот памятник тем, что в нем ясно выступает самосознание писавшего, который считает себя первым грамматиком. Эта черта сближает его с людьми позднейшего Возрождения.

Комментарии

I. В. обсуждает издание авторитетного немецкого филолога Г. Кёртинга (Gustav Carl Otto Körtling, 1845–1913) об итальянском Возрождении в статье: Веселовский А.Н. Противоречия итальянского Возрождения // *Журнал Мин. Нар. Просв.* 1887. Т. 254. Декабрь. Отд. 2. С. 316–349. В Л. I и Л. VIII он пересказывает ряд тезисов этой статьи, напр.: «Кёртинг (Die Anfänge der Renaissance in Italien, I, стр. 106–107) ... спасается от наглядного противоречия заявлением, что Данте не столько итальянский, сколько общечеловеческий (средневековый, христианский) поэт» (там же. С. 317). В действительности В. излагает тезисы Кёртинга на стр. 108 указ. соч., который писал, что для Данте оказалось возможным понять Средние века как целостность и что Италия с заслуженной гордостью может радоваться рождению Данте под ее небом, но это лишь внешнее притязание, которое история итальянской литературы предьявляет к великому человеку, как доказывает тот факт, что у Данте не было ни реальных предшественников, ни реальных преемников, и, таким образом, то, что он создал, было результатом не национального, а общечеловеческого развития (см.: Körtling G. Die Anfänge der Renaissance in Italien. Vol. 1: Einleitung; Die Vorläufer der Renaissance; Die Begründer der Renaissance. Leipzig: Fues, 1884, p. 108). Кёртинг также утверждал, что «Данте ни в коем случае нельзя причислить к основоположникам Возрождения» (op. cit., p. 302), с чем полемизирует В. в указ. статье и лекциях.

II. Парафраз известного отзыва Франца Вегеле о Данте: «предоставлен был отныне самому себе, он сам составлял свою партию» (Вегеле Ф. Данте Алигьери, его жизнь и сочинения / пер. с 3-го нем. изд. Алексея Н. Веселовского. М.: Тип. Мартынова, 1881. С. 131), это сочинение обширно цитируется далее в Л. XI.

III. В. имеет в виду, в частности, критикуемую им далее в Л. XI позицию Г. Россетти (1783–1854), который заложил одну из традиций чисто аллегорического истолкования образов Данте, в том числе Беатриче, и утверждал, что «Божественная Комедия» является политической и антипапской аллегорией (см.: Rossetti G. La Divina Commedia di Dante Alighieri con commento analitico di Gabriele Rossetti in 2 vols. Londra, John Murray, 1826–1827; Rossetti G. La Beatrice di Dante. Ragionamenti critici. Londra, 1842)². В статьях о Данте В. критически отзывался о тех исследователях, которые «из Данте сделали заговорщика и реформатора, всю Божественную Комедию – одним длинным заговором. Россетти, итальянский изгнанник, комментировавший Боже-

² Подробнее о традиции интерпретации Г. Россетти см. в статье: Медоваров М.В. Интерпретации эзотеризма Данте в итальянских и французских исследованиях середины XIX – второй половины XX в. // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 4(72). С. 82–105.

ственную Комедию в Лондоне, доказывает это до подробностей: послушать его, так вся итальянская поэзия XIII–XV веков не что иное, как одно сплошное франкмасонство во всех возможных поэтических видах, в сонетах и дифирамбах и видениях загробного мира. Беатриче Данте ... не что иное, как политические аллегории, без тела и крови» (Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества // *Вестник Европы*. 1866. Т. IV, отд. 1. С. 156).

IV. Под практическим руководством по искусству письма *Ars dictaminis* имеется в виду первый из дошедших до нас письмовников, составленный Альбериком из Монтекассино (1070), под названием *Breviarium de dictamine*.

V. В тексте лекции пересказывается письмо самого Гунцона, опубликованное Ж.-П. Ми-нем в серии «Латинская патрология» (Migne J.-P., *Patrologia Latina*, 136 (1853), col. 1283–1302), под названием Gunzo Grammaticus Novariensis, *Epistola ad Augienses fratres*.

VI. Приводимая в лекции история о ереси Вильгарда рассказана хронистом Радульфом Глабером (Rodulfus Glaber, 985–1047) в *Historiarum sui temporis libri quinque* [«История своего времени в пяти книгах» (лат.)], которую В. пересказывает, вероятно, по вышедшему в то же время научному изданию: Raoul Glaber. *Les cinq livres de ses histoires* (900–1044). Ed. M. Prou. Paris, 1886. P. 50. Рассказ о Вильгарде в лекции заканчивается дословным переводом В., в ориг.: «quadam nocte adsumpsere demones poetarum species Virgilii et Oratii atque Iuvenalis, apparentesque illi fallaces retulerunt grates quoniam suorum dicta voluminum carius amplectens exercebat, seque illorum posteritatis felicem esse preconem; promiserunt ei insuper sue glorie postmodum fore participem» (Radulf. Glabri *Hist.* II, xii, 23: 5–10). Далее Глабер сообщает там же, что «будучи осквернен обманом демонов, он [Вильгард] самонадеянно начал проповедовать, ...будто словам поэтов следует полностью верить. В итоге еретик был разоблачен и осужден Петром, епископом этого города». Несмотря на это, современные исследователи проводят параллели между Вильгардом и Данте, поскольку оба они были убеждены в своей мистической связи с Вергилием.

VII. *Rhetorimachia* – трактат итальянского ротора Ансельма из Безаты из трех книг создан ок. 1048 г. и выдержан в форме переписки с его племянником Ротиландом как прямым адресатом и предметом насмешек над его заблуждениями относительно риторике. Этот учебник, предлагающий практические примеры классических риторических практик и демонстрацию того, как построить Цицероновское судебное красноречие, написан в жанре менипповой сатиры, где серьезное дидактическое намерение смешивается с фарсом бурлескных любовных приключений Ротиланда и некромантин. Первое научное издание, доступное В.: Dümmler E., ed. *Anselm der Peripatetiker. Nebst andern Beiträgen zur Literaturgeschichte Italiens im eilften Jahrhundert*. Halle, 1872. Совр. изд. см.: Gunzo, ‘*Epistola ad Augienses*’ und Anselm von Besate, ‘*Rhetorimachia*’, ed. by Karl Manitius. Weimar, 1958.

Лекция вторая

Итак, мы указали существенный характер итальянских светских школ, которые существовали непрерывно в продолжение всех веков остготского и лагнобардского периодов и затем в период Возрождения при Карле Великом. До XIII в. Италия была центром, куда стекались любознательные люди всех стран. Спрашивается, что же произвела итальянская образованность до этого времени, т. е. до половины XIII в., когда появляются первые памятники народной итальянской речи? У нас есть целый ряд памятников, бросающих некоторый свет на это глухое время*.

* Желающие познакомиться с ними поближе могут обратиться к сборникам E. Dümmler’a «*Poetae latini Medii aevi*» (Berlin, 1881) и E. Du Méril’a: «*Poésies populaires latines antérieures au 12e s.*» (Paris, 1843)^{VI}.

Одним из древнейших памятников ^[15] этого рода можно считать стихотворение о Милане «*versum de Milano*»^I, относящееся ко времени [лангобардского] короля Лиутпранда [712–744]. Затем из времени Карла Великого мы имеем ряд стихотворений, принадлежащих Павлу Диакону; от VIII в. стихотворение Паулина Аквитанского^{II} и т.д. Но наиболее своеобразным памятником подобного рода является песнь солдат города Модены^{III}, песнь сторожевая, относящаяся к 924 г., ко времени вторжения в Италию и осады Модены мадьярами. Известно, что вторжение мадьяр, считавших себя потомками гуннов, обновило в Италии известную легенду об Аттиле. Вот отрывок из этой песни:

O tu, qui servas armis ista moenia,
Noli dormire, moneo, sed vigila!
Dum Hector vigil extitit in Troia,
Non eam cepit fraudulenta Graecia
Prima quiete dormiente Troia
Laxavit Synon fallax claustra perfida.
Per funem lapsa occultata agmina
Invadunt urbem et incendunt Pergama (*и т.д.*).

[О ты, хранящий эти укрепления,
Бодрствуй с оружием и не спи, молю тебя!
Покуда Гектор Троей правил, бодрствуя,
Ее обманом / не рушила Греция.
Чуть задремала ночью Троя сонная,
Лжецом Синоном вскрыта дверь обманная:
Вниз по канату дружина сокрытая
Стремится в город, стогна жжет пергамские...

(пер. Б.И. Ярхо)^{IV]}

Как мы видим, песня эта отличается народным характером и народным складом стиха. В итальянских школах еще долго спустя держались классические предания и классический метр. Здесь же мы видим совершенно новый ^[16] размер. Забыта долгота и краткость слогов, новый стихотворный размер построен на счет слогов, в конце своеобразная рифма на *a* – очевидно, мы имеем тут дело не со школьной формой, а с формой народной. А между тем цитируется сага о Трое и припоминается известный анекдот о гусях, спасших Капитолий своею бдительностью. На этом примере некоторым образом можно проследить, как легенды чисто школьные проникали в народ и, распространяясь в нем, делались его достоянием.

В том же столетии, почти одновременно, написано было другое стихотворение, чрезвычайно характерное для понимания того времени – это панегирик Беренгарию^V, написанный, очевидно, человеком, читавшим Вергилия, Овидия и Тацита, знавшим, если не текст, то имя и содержание Гомера и подчас переносившим в свое произведение целиком целые фразы и стихи из читанных им авторов. Интересны в этом памятнике не только его форма, но и содержание. Бе-

ренгарий принадлежал к числу деятелей, стремившихся к созданию Итальянского королевства. Беренгарий был француз. Известны ^[17] некоторые факты его жизни: его борьба с соперниками, вмешательство немецкого императора Арнульфа, поход последнего в Италию на помощь Беренгарию и т.д. В лице Беренгария мы имеем, таким образом, дело с попыткой восстановить итальянское единство. Вот это-то обстоятельство и заставило панегириста в угоду своим симпатиям исказить факты. Забыто франкское происхождение Беренгария, последний является у него ломбардцем и защищает он Италию от вторжения немцев и французов, как от вторжения иноплеменных сил. Такое содержание панегирика, хотя и противоречит истории, но интересно для нас, как выражение народных симпатий. Что же касается формы его, то панегирик представляет целый ряд описаний поединков, в которых фигурируют Беренгарий и его соперники, и все это описано слогом Вергилия. Самые сравнения, – например война, выходящего на битву, с бешеным конем, – как они ни естественны сами по себе, но самой фактурой стиха указывают на то, что взяты не непосредственно из природы, а заимствованы из различных классических авторов.

Чем далее переходим к XI и XII вв., тем замечаем все большее и большее забвение ^[18] старого – забыт метр, чувствуется, что латинский язык портится, что в нем исказились его древние формы, что синтаксис его стал новый. Когда мы коснемся вопроса о происхождении итальянского языка, то мы познакомимся с образчиками народного говора в XI в. Это еще латинская речь, но уже искаженная, незаметно переходившая в итальянскую. Для XI в. укажем на хронике о нормандских событиях в Сицилии Вильгельма Апулийского^{VII}, родом не итальянца; на известную уже нам «Rhetorimachia» Ансельма Перипатетика; для XII в.: на «Жизнь графини Матильды» Донилона (1114 г.)^{VIII}; на стихотворения по поводу победы пизанцев (1187 г.)^X и в похвалу Бергамо^X, на «Пантеон» Готфрида из Витербо (1190 г.)^{XI}, на дидактический трактат Генриха Паупера из Settimello: «De diversitate Fortunaе» (1192 г.)^{XII} и т.д.

[1.2. Следы классического предания в школах церковных]

Рядом с произведениями светской поэзии мы встречаемся в Италии с церковной латинской поэзией. Здесь надо иметь в виду одно обстоятельство. Везде на Западе церковь служила единственной представительницей классических преданий, в Италии же эту роль вместе с церковью играли и светские школы. Впрочем, не во все времена церковь одинаково относилась к классическому преданию; в этом отношении мы можем наблюдать несколько течений. В III в. церковные писатели, как ^[19] например Тертуллиан, относятся отрицательно к классической традиции; но в IV в. сознание того, что христианство уже окрепло, заставляет церковников относиться к ней снисходительнее; таков, например, Амвросий Медиоланский [ок. 340–397]. Родился он в Трире, но деятельностью своею принадлежит Италии. Сочинения Амвросия отличаются ми-

стицизмом и аллегорическим характером. Эти особенности его произведений объясняются его знакомством с Филоном Александрийским и александрийской мистикой. Здесь мы встречаемся с началом целого движения, произведшего в Средние века литературное явление аллегоризма. Если это течение связывает Амвросия с классической философией, то другое течение, классическое, объясняет его почин в области христианской лирики^{XIII}.

Христианский гимн восходит к форме гимна еврейского, и древнейшие христианские гимны воспроизводят параллелизм своего первообраза. Это – гимн до-амвросиановский. Мало-помалу форма гимна начинает претерпевать изменения – Амвросий вводит в него классический метр и сообщает гимну строфическую форму. Если мы спросим, откуда у Амвросия появилось это стремление к новой форме, то в ответе придется указать на языческие предания, на формы греческого гимна, сложившегося в Александрии. Таким образом, мы в амвросиановском гимне встречаемся с различными элементами: содержание его навеяно христианством, почин еврейский,^[20] а форма, обработка – классическая.

Итак, как мы уже сказали, в IV в. мы видим со стороны христианских писателей стремление к сближению с преданиями классического язычества. В VI веке новая перемена направления – происходит новый разрыв между христианским и классическим направлением. Представителем этого нового направления был папа Григорий Великий. Причины разрыва понятны^{XIV}.

Рим христианский продолжал дело старого Рима, папство считало себя наследником его традиций. По этому поводу существовали разные воззрения и легенды, укреплявшие эту связь. Но наряду с этой национальной традицией стояла другая, христианская. С точки зрения христианства, будущее должно было осуществить не столько народный национальный идеал, сколько идеал христианский – национальность тут уступала место более широкому кругозору. Между этими двумя направлениями надо было сделать выбор – выбор и совершился, не без борьбы, и оставил глубокие следы. С одной стороны, христианский Рим явился завершением языческого, с другой его отражением; в одном направлении сохранялась идея национальной связи, в другом она исчезала, ибо с точки зрения христианства вся история представлялась рядом последовательных преобразований одной идеи, имеющей^[21] раскрыться в будущем, но эта идея не римская, и ее первое проявление в Библии. Между той и другой не было примирения. Так, Амвросий Медиоланский еще стоит на почве языческих преданий, Григорий Великий представляет уже полный разрыв с ними. Известно, что Григорий Великий старался писать слогом Вульгаты, презирал все правила грамматики Доната, как это видно из его письма к одному галльскому епископу, которого он упрекает за его приверженность к языческим наукам. В X в. это направление нашло еще более резкое выражение в лице Льва, аббата св. Бонифация^{XV}.

Таким образом, с VI в. оба течения, христианское и классическое, в начале не обособленные резко, расходятся принципиально. В истории этого обособленного развития церкви есть очень интересный уголок – Монте-Кассино. Этот центр играет очень важную роль в истории средневекового итальянского развития. Мы не станем здесь касаться значения устава [св.] Бенедикта [Нурсийского]^{XVI}, организации им монашеского жития и т. п. Для нас важна лишь та роль, которую Бенедикт уделил в своем уставе книжным занятиям. Последним посвящено было несколько часов в день, впоследствии число их увеличивается и мало-помалу вся почти деятельность монахов становится книжной, а бенедиктинские монастыри – ^[22] культурными центрами. Орден имеет свои легенды. Из них особенно интересна легенда о самом основателе его. Неудачные попытки преобразовать жизнь иноков в вверенных ему монастырях побудили его удалиться в сообществе двух преданных ему учеников; два ангела, говорит легенда, привели его в Монте-Кассино. Эта местность, древнее Casinum, была еще полна классических преданий; пришлось даже бороться с воспоминаниями языческого культа. Здесь Бенедикт застал еще в полном цвете поклонение Аполлону и Венере; здесь по близости, в Arpinum, была родина Цицерона, здесь находилась вилла знаменитого Теренция Варрона. На этой-то почве св. Бенедикт построил свой монастырь, сделавшийся приютом классической образованности в Средние века. Но не только книжная деятельность сосредоточивалась в бенедиктинских монастырях, но и искусство итальянское получило первый толчок из Монте-Кассино. С историей Монте-Кассино связан целый ряд знаменитых имен – таковы: известный уже нам Павел Диакон, окончивший там свою жизнь, аббат Дезидерий [1027–1087], отстроивший заново этот монастырь, знаменитый поэт Гвайферий^{XVII}, историк Лев Остийский [XI–XII в.] и известный в истории средневековой науки монах Константин Африканский [XI в.]. Последний был родом из Африки, ^[23] побывал на Востоке, в Азии и Индии и явился в Монте-Кассино со знанием восточных языков и греческой медицины.

[1.3. Литература вагантов]

До сих пор мы успели рассмотреть только две группы явлений: 1) развитие классического элемента в светских школах и 2) развитие его в школах церковных. Теперь нам остается перейти к третьей группе явлений: к вопросу о значении для Италии в смысле поднятия светского образования и классической поэзии того международного, средневекового явления, которое носит название литературы вагантов.

Выражение «vagantes» [букв. «странствующие»] впервые появляется около 1170 г. во Франции, где самое явление могло быть и более древним. К концу XV в. во Франции их уже нет, но зато они появляются в других местах. Очевидно, это явление не итальянское, лишь впоследствии коснувшееся

Италии. Ваганты появляются сначала в университетских городах. Ваганты или голиарды были беглые клирики, студенты, которым опостылела школа и клерикальное ее направление. Из своих аудиторий они выносили нелюбовь к своей профессии и схоластической науке. Взамен, их увлекало содержание светских авторов, чтение которых в школе им запрещалось. Таким образом, у них случайно явилась та любовь к классическим ^[24] традициям, которую мы видели в Италии, так что они производят во Франции что-то вроде светского Возрождения. Поэзия их была чисто светская, иногда даже с крайне реальными мотивами, — они пели о любви, о вине, служили представителями общественной сатиры.

Комментарии

I. В настоящее время эта поэтическая похвала городу более известна под названием *Versum de Mediolano civitate* [«Стих о городе Милан»].

II. В тексте ошибочно указано имя галло-римского аристократа и епископа Павлина Аквитанского (Ноланского, ок. 353–431), но, судя по указанной в лекции датировке (VIII в.), здесь, очевидно, подразумевается Павлин Аквилейский (740–802 гг.), член Палатинской академии при дворе Карла Великого, патриарх Аквилейский.

III. «Песнь солдат города Модены», или *Canto delle scolte modenese* [«Песнь моденских стражей»], анонимное латинское стихотворение, время создания которого окончательно не установлено (включает поздние вставки). Приведенная в курсе датировка 924 годом, вероятно, заимствована из книги: D'Ancona A. *La poesia popolare italiana* [«Народная итальянская поэзия»]. Livorno, 1878. P. 5 (Д'Анкона был главным итальянским корреспондентом и большим другом В., писавшего о нем (см., напр.: Wesselovsky A. *Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrhunderts* (Brief an Herrn Prof. D'Ancona) // *Russische Revue*. 1877. Vol. X. P. 425–441). Ср.: «...из песни стражей города Модены во время осады его венграми (904 г.) и тому подобных произведений, обнародованных Дю Мерилем, отзывается то же поэтическое предание, уже лишенное школьного характера, хотя и не вполне народное» (Веселовский А.Н. Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV–XV столетия. Критическое исследование. М., 1870. С. VII). Здесь и далее В. развивает в лекции тезисы, поднятые им во вступительной статье к диссертации «Вилла Альберти» и перекликающиеся с его «Вступительной речью к защите диссертации „Вилла Альберти“» (1870 г.) о преемственности «той вульгарной латинской поэзии, которая на перепутье между Бозцием и Данте вдохновляла гимны святого Амвросия и сторожевую песнь воинов на стенах осажденной Модены» (см.: Веселовский А.Н. Взгляд на эпоху Возрождения в Италии // Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 318 (впервые: *Московские университетские известия*. 1870. № 4. Отд. II. С. 285–297)).

IV. Перевод см.: Молитва о сохранении моденских стен, возведенных епископом Леудоном / пер. Б.И. Ярхо // Памятники средневековой латинской литературы / Грабарь-Пассек М.Е., Гаспаров М.Л. (отв. ред.). М.: Наука, 1970. С. 407–408.

V. Под панегириком Беренгарию имеется в виду латинская эпическая поэма *Gesta Berengarii imperatoris* [«Деяния императора Беренгара»], написанная между 916 и 924 гг. о деяниях короля Италии и последнего каролингского императора Беренгара I Фриульского (850–924). В 1871 г. Вышло ее научное издание: Dümmler E. (ed.). *Gesta Berengarii Imperatoris: Beiträge zur Geschichte Italiens im Anfänge des zehnten Jahrhunderts*. Halle, 1871.

VI. В. отсылает к предпринятому в Германии под редакцией известного историка Эрнста Дюммлера изданию всех написанных на латинском языке стихотворений каролингской эпохи, в том числе стихов Павлина Аквилейского (см. коммент. II): Dümmler E., ed. *Poetae latini aevi Carolini*, vol. 1: *Monumenta Germaniae historica. Poetae Latini medii aevi*, 1. Berlin: Wiedmann, 1881. Под

изданием «du Méril'a» имеется в виду книга франц. филолога-медиевиста Эдельстана дю Мериля: Du Méril É. Poésies populaires latines antérieures au douzième siècle. Paris: Avenarius, 1843.

VII. Имеется в виду написанная Вильгельмом Апулийским в конце XI в. латинским гекзаметром хроника «Деяния Роберта Гвискара» (лат. Gesta Roberti Wiscardi).

VIII. *Vita Mathildis* – латинское произведение бенедиктинского монаха Донизона из Каноссы о жизни графини Матильды Тосканской и ее династии.

IX. Приведенная в тексте дата (1187 г.) является ошибочной: *Carmen in victoriam Pisanorum* [«Поэма за победу пизанцев»] была написана незадолго после махдийского похода 1087 г.

X. *Liber Pergaminus* [Бергамская книга, иначе «Книга о Бергамо»] – поэма о городе Бергамо, написанная между 1110 и 1130 гг. равеннским архиепископом Моисеем де Брьюло.

XI. *Pantheon* или *Universalis libri qui chronici appellantur* – хроника о мировой истории (1187–1190 гг.) германского хрониста Готфрида Витербского (ок. 1120–ок. 1196/98).

XII. *De diversitate Fortunae et Philosophiae consolatione* [«О превратности Судьбы и утешении Философией»] – латинская элегическая поэма тосканского поэта XII в. Генриха из Сеттимеллы (лат.: Henricus Septimellensis, ит.: Arrighetto da Settimello; Арригетто у В.) по прозвищу «Бедный».

XIII. Определению аллегоризма и выявлению его роли в переходе из Средних веков в Возрождение посвящена немалая часть курса (см. Л. VI–VII и особенно Л. XI–XIII).

XIV. В. имеет в виду реакцию христианского мира против возрастающего вторжения языческих народов, приобретающего именно в VI в. масштабный характер (см., напр., ранее цитированную статью «Взгляд на эпоху Возрождения в Италии» (указ. соч. С. 320)): «Церковь едва успевает среди варварских нашествий спасти сокровищницу веры, оставляя позади себя, как ненужный балласт, все культурное содержание древности, проводником которой она до тех пор являлась» (см. коммент. III).

XV. Лев из Лукки (?–1079), аббат Святой Троицы в Кава-де-Тиррени (на юге Италии), утверждал, что апостольская простота важнее классической мудрости.

XVI. Бенедикт Нурсийский (480–547), одна из важнейших фигур католического христианства, автор устава основанного им бенедиктинского ордена (*Regula Benedicti*). О нем и его жизни также идет речь в Л. IX.

XVII. Поэт и писатель XI в. Гвайферий – автор известных в XIX в. «Диалогов», которого привел в монастырь Дезидерий, о чем идет речь в «Хронике Монтекассино» (III, 62) (см.: Лев Марсиканский, *Петр Дьякон. Хроника Монтекассино*. В 4 кн. / пер. И.В. Дьяконов. М., 2015. С. 204). См. в этом издании также о других известных монахах Монте-Кассино, упомянутых в лекции).